

## СОВРЕМЕННАЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ

**Д.Ю. Гончаров. МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ  
О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ / Под ред. И.Я. Козаченко. М.: Юрлитин-  
форм, 2014. 320 с.**

Рецензируемое научное произведение стоит особняком среди массы издаваемых отраслевых монографий и учебных пособий, опубликованных в последнее время. Его содержание, безусловно, отличается необходимой актуальностью и научной новизной. Кроме того, оно обладает теоретической и практической значимостью.

Заметим, что на научных форумах, посвященных проблемам уголовной политики и уголовного права, в основном обсуждаются отдельные, обычно противоречивые, изменения, вносимые в российское антикриминальное законодательство. Безусловно, эти изменения, не являясь в данный момент крайней формой реагирования на окружающую действительность, да еще, будучи не подготовленными на морально-нравственном уровне, приводят к определенному нивелированию целей и задач таких изменений и, как следствие, к неправильному правовому воздействию. Однако на этом фоне остаются в стороне фундаментальные проблемы стратегии и тактики борьбы с преступностью, действующее уголовное законодательство во всем многообразии нормативных форм и его соответствие современной уголовно-правовой ситуации<sup>1</sup>. При этом важен анализ влияния не собственно норм материального уголовного права, но всего нормативного комплекса, направленного на борьбу с преступностью.

Именно поэтому интересны выводы автора о межотраслевом соотношении: субординационных, координационных, генетических, предметно-системных, структурных и функциональных взаимосвязях законодательства о предупреждении преступлений, уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства.

Работа Д.Ю. Гончарова позволяет взглянуть в целом на все действующее антикриминальное законодательство и исследовать основные тренды российской уголовной политики. Автор совершенно верно обозначает теоретическую задачу – разграничение законодательства и его системы от права, также представляющего систему, предлагая одним из средств реализации этой задачи разработку на межотраслевом уровне теории законодательства о противодействии преступности, выходящей за пределы изучения закона лишь одной отраслевой принадлежности. По его мнению, эта теория должна

исследовать, в частности, вопросы о способах и результатах формирования системы законодательства о предупреждении преступлений, уголовного материального, процессуального и исполнительного законодательства, неcodифицированного законодательства о борьбе с преступностью; о связях внутри этого круга (с. 7, 8).

Интересны подход и аргументы автора в дискуссии относительно терминов “противодействия преступности” и “борьбы с преступностью”.

В результате на с. 14 работы он формулирует достаточно оригинальное определение **противодействия преступности** как деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий: а) по предупреждению преступлений, в том числе по выявлению и последующему устранению их причин; б) по выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений, назначению и исполнению уголовных наказаний, минимизации (ликвидации) последствий преступлений (борьба с преступностью).

Касаясь проблемы предупредительного закона, Д.Ю. Гончаров обоснованно отмечает, что отсутствие базового федерального закона, регулирующего основные положения профилактической антикриминальной деятельности, очевидно, не позволяет нормативно унифицировать критерии отнесения того или иного акта к предупредительной подсистеме законодательства о противодействии преступности (с. 22), указывая при этом, что существует некоторая условность отнесения федеральных законов “О противодействии терроризму” и “О противодействии коррупции” к предупредительным, так как названные акты нормативно включают в направления противодействия преступности не только профилактику преступности, но и борьбу с ней (с. 26).

Кроме того, автор отмечает, что, регламентируя вопросы деятельности полиции, органов государственной безопасности, исполнения наказаний, таможенной службы и др., государство на уровне как законов, так и подзаконных актов включило в соответствующие документы отдельные положения о предупреждении преступлений.

В такой ситуации вполне логичен вопрос о том, насколько деятельность правоохранительных органов является специфической применительно именно к профилактике. Может быть, выполнение органами своих основных правоохранительных функций и есть специфическая предупредительная деятельность этих органов, которую не следует смешивать с общественной?

В монографии вполне аргументировано сказано о том, что отнесение к предупредительной подсистеме всех законов,

<sup>1</sup> “Уголовно-правовая ситуация – это соотношение нормативно запрещенных видов преступного поведения и фактически совершенных общественно-опасных деяний, а также конкретная обстановка в сфере воздействия на преступность путем применения наказания и заменяющих его мер, предусмотренных уголовным законом” (см.: *Барина Л.В., Мартыненко Н.Э., Ревин В.П.* Словарь терминов и схем по курсам: “Уголовная политика и ее реализация в деятельности органов внутренних дел” и “Организация профилактической деятельности органов внутренних дел”. М., 2000. С. 37).

в сферу регулирования которых лишь *входят задачи, меры, субъекты профилактики и т.п.*, притом что основной направленностью закона является иная, не профилактическая деятельность, будет способствовать продуцированию мега-отрасли, чего на современном этапе развития юридической науки и законодательной техники следует избегать (с. 29). Автор в дальнейшем совершенно правильно объясняет эту ситуацию тем, что государство, не имея в настоящий момент действенной системы профилактики преступлений и развития относительно самостоятельного законодательства в этой сфере, вынуждено видеть свою роль в недопущении совершения лишь новых преступлений путем карательной реакции на уже совершенные общественно опасные деяния (с. 194).

Рассматривая в целом законодательство о борьбе с преступностью, автор употребляет термин “кодифицированное законодательство криминального цикла”, под которым понимает группу источников, регулирующих отношения, возникающие из факта совершения уголовно наказуемого деяния, внося тем самым свой вклад в позицию объединения уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства в единый цикл. При этом также подчеркивается необходимость отнесения уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства к нормативной базе уголовной политики в тесной связке с термином “борьба с преступностью” (с. 31, 32).

Анализируя субординационные связи законодательства о противодействии преступности с Конституцией РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами, Д.Ю. Гончаров подчеркивает, что основу отечественного отраслевого законодательства, в том числе Уголовного, Уголовно-процессуального и Уголовно-исполнительного кодексов, иных законов о противодействии преступности, составляют Конституция РФ и общепризнанные принципы и нормы международного права, что закреплено, в частности, в ч. 2 ст. 1 УК РФ, ч. 1 ст. 1 УПК РФ, ч. 1 ст. 3 УИК РФ (с. 57).

Интересен в этом смысле анализ вопроса об отнесении Конституции РФ к числу источников законодательства о противодействии преступности, который позволяет автору сделать следующий вывод: “Являясь основой отечественного законодательства, названный акт, несмотря на его важность, не может рассматриваться в качестве элемента специального отраслевого законодательства. Последнее должно получать самостоятельное развитие на базе указанной основы” (с. 66).

Необоснованно много места в работе автором уделено дискуссии, касающейся соотношения, а точнее вопросов подчиненности материального, процессуального и исполнительного права (с. 66–80). Представляется, что уголовное право как антикриминальное право необходимо понимать все-таки в единстве материального, процессуального и исполнительного права. Они должны быть внутренне взаимосвязаны и согласованы, так как объективно дополняют друг друга. Поэтому споры о главенстве антикриминальных отраслей достаточно сложно признать актуальными. Между тем, наверное, следует обсуждать современную ситуацию, когда уголовно-процессуальная репрессия приобретает вполне самостоятельный характер, особенно когда это касается рейдерских захватов и некоторых коррупционных преступлений в правоохранительной сфере, когда не так важна статья УК РФ, по которой возбуждается уголовное дело, но важна возможность избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении руководителей хозяйствующих субъектов. Заслуживает внимания вывод автора

по дискуссии о соотношении антикриминальных отраслей на с. 160, о том, что разграничение анализируемого отраслевого регулирования необходимо провести на уровне общих положений соответствующих законов. Такие нормы должны появиться в УК, УИК и УПК РФ, а при принятии базового закона предупредительной отрасли – и в нем тоже. По мнению Д.Ю. Гончарова, это будет способствовать, в частности, пониманию того, в каком законе должны помещаться новые нормы в случае их принятия, т.е. правильному законодательному структурированию. В дальнейшем при анализе деятельности законодателя по “внедрению” в тот или иной закон, кодекс посторонних предписаний автор подчеркивает, что одним из факторов такой структурной дезорганизации является отсутствие в законотворческой работе четких ориентиров, позволяющих точно отнести то или иное предписание к предмету материальной, исполнительной или процессуальной отрасли (с. 186).

При анализе в работе вопросов предупреждения преступлений автором подтверждается тот факт, что государством осознана необходимость федерального регулирования предупреждения преступности. Это проявляется в достаточно активной законопроектной работе по данному направлению. При этом автор указывает, что “при разработке базового закона, направленного на регулирование профилактики преступлений, в сферу его регулирования не следует включать отношений по предупреждению административных и иных правонарушений” (с. 129, 130).

Современные тенденции развития отраслевой специализации прогнозируют дальнейшее обособление научных исследований. Ситуация с административными правонарушениями нуждается в объективной оценке применительно к теме исследования. По мнению известного административиста А.П. Шергина, установление или отмена административно-правовых запретов должны быть согласованы с другими видами противоправного поведения. Это обусловлено близостью административного правонарушения и преступления, подвижностью их границ. Он считает (и вполне обоснованно), что в идеале любой перевод преступления в разряд административного правонарушения и наоборот должен сопровождаться одновременным внесением соответствующих изменений и дополнений в УК РФ и КоАП РФ, т.е. речь идет о пакетном принципе при разработке уголовного и административно-деликтного законодательства<sup>2</sup>. На примере состава клеветы мы видим, как был декриминализован этот состав, переведен в административный деликт, а затем через полгода возвращен в УК РФ. Непонятно только, что, в этом случае происходило со степенью общественной опасности? Эта ситуация свидетельствует о необходимости учета близости границ административных и уголовно-правовых деликтов, которая вполне может со временем привести к появлению уголовных проступков.

Отдельного внимания заслуживает § 1 гл. 5, посвященный философско-правовым аспектам структурных взаимосвязей и структуры законодательства о противодействии преступности. Несмотря на небольшой объем, он добавляет некоторую академичность в рассмотрение темы. Такой теоретический подход позволил автору сформулировать понятие структурных взаимосвязей в законодательстве о противодействии преступности как совокупности соотношений и взаимодействий законодательства о предупреждении преступлений и о борьбе с преступностью как крупных отрасле-

<sup>2</sup> См.: Шергин А.П. Концептуальные основы административно-деликтного права // Науч. портал МВД России. 2008. № 1. С. 20, 21.

вых элементов, а также их институтов и норм как элементов иного, более дробного порядка между собой (с. 167).

Логическим продолжением работы является завершающая гл. 6, посвященная функциональным взаимосвязям в законодательстве о противодействии преступности, в частности анализу регулятивной функции отраслей законодательства о противодействии преступности и охранительной функции уголовного законодательства в обеспечении нормальной деятельности систем предупреждения преступлений, правосудия и исполнения наказаний. В отдельном параграфе изложены проблемы соотношения вышеуказанных функций.

Высказанные предложения, изложенные в настоящей рецензии, не являются бесспорными и не снижают в целом самого положительного впечатления от работы. Монографию отличает продуманность и точность выбора, освещаемых в ней проблем. Немаловажным достоинством подобного сочинения является и тот факт, что Д.Ю. Гончаров смог подать сложный и масштабный материал в доступной для читателя форме.

**Г.Ю. Лесников,**  
**главный научный сотрудник**  
**ФГКУ «ВНИИ МВД России», доктор юрид. наук, проф.**